

ПОМИНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, СУЕВЕРИЯ И СТАРОРУССКАЯ ЭПИГРАФИКА

Аннотация. В статье анализируются нарративные источники и памятники эпиграфики Московской Руси, свидетельствующие о разных случаях насильственной («напрасной») смерти (утопление, убийство, гибель в бою), которые традиционно считались препятствием для погребения на христианском кладбище и последующего церковного поминовения. Данные, зафиксированные этнографами во второй половине XIX – XX в., дали повод связать эти представления с пережитками язычества. В статье делается вывод о возникновении этих суеверий в христианскую эпоху и о постепенном преодолении их в поминальной культуре на протяжении XVI–XVII вв.

Ключевые слова: эпиграфика Московской Руси; погребальная обрядность; насильственная смерть; «заложные» покойники; поминальная культура; язычество; христианские суеверия.

Сведения об авторе: Авдеев Александр Григорьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Университета Дмитрия Пожарского, доцент исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, учитель истории школы «Интеллектуал».

Контактная информация: 107370, г. Москва, Открытое шоссе, д. 3, корп. 7, тел.: 8(903)1270069; e-mail: avdey57@mail.ru.

Статья подготовлена в рамках проекта «Corpus Incriptionum Rossicorum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

Вплоть до начала XV в. одним из сложных вопросов в практике Русской Церкви был вопрос о порядке отпевания и захоронения самоубийц, утопленников и погибших насильственной смертью, связывавшийся на низовом уровне религиозной (народной, традиционной или массовой) культуры с «напрасной» (неестественной) смертью, недостойной церковного поминовения и погребения на кладбище. В народной культуре эти запреты были зафиксированы этнографами во второй половине XIX–XX в., что свидетельствует о живучести этого обычая. В начале XX в. данные представления были обобщены Д.К. Зелениным, который впервые выделил в русских народных поверьях две категории умерших – естественной и «неестественной» (преждевременной) смертью, так называемых «заложных» покойников. Основываясь на источниках XII–XVII вв. и этнографических параллелях, исследователь полагал, что «с христианской точки зрения» в погребальной обрядности ведущую роль играет отпевание в церкви, с которым рассматриваемый обычай «ни мало не считается». Отсюда исследователь делал вывод о том, что это «новое христианское суеверие» могло возникнуть «только на почве двоеверия, под влиянием старых языческих верований», и что выкапывание «заложных» покойников «есть сохранение древнерусского языческого способа погребения», хотя и признавался, что не нашел «удовлетворительного объяснения» этому феномену (Зеленин 1995: 118, 126).

Выводы Д. К. Зеленина оказали определяющее влияние на изучение сельской погребальной обрядности, в том числе и на поиск в них компонентов, присущих язычеству. Так, Н. Н. Велецкая, соглашалась, с одной стороны, с тем, что фиксируемые этнографами народные ритуалы, связанные со смертью и погребением, находятся «в рамках существовавшей в данное время похоронной обрядности» и имеют лишь «некоторые аналогии» с языческой погребальной обрядностью; с другой стороны, происхождение представлений о «заложных» покойниках исследовательница сводит к культу предков и практике ритуального убийства стариков, применительно к Древней Руси, не подтверждаемой письменными и археологическими источниками (Велецкая 1978: 139–155; ср.: Седакова 2004: 39–41). С выводами Д. К. Зеленина связаны и представления отдельных исследователей о связи некоторых типов старорусских надгробных памятников и высеченных на них эпитафий с представлениями о «заложных» покойниках (Золотов 1960: 335; Беляев 1996: 255).

В современных этнографических исследованиях наблюдается более взвешенный подход к подобным представлениям. Вне связи с язычеством материал о «заложных покойниках» рассматривается в энциклопедическом словаре «Славянские древности», где фиксируется расхождение народных представлений с «церковной точкой зрения» (Левкиевская 2009: 119). С. А. Штырков также не соотносит представления о «заложных» покойниках с язычеством и видит в них элемент традиционной деревенской культуры, порожденный суеверным страхом перед превращением самоубийц в демонических персонажей (Штырков 2012: 151–152). Это же представление характерно для отдельных публикаций старорусских эпиграфических памятников (Левина 2006: 86–87; Яганов 2011: 362). Однако в современных исследованиях по истории Московской Руси проблема «заложных» покойников либо абсолютизируется как одно из важнейших явлений массовой культуры этой эпохи¹, либо ее связь с нею признается недостаточно корректной (подробнее: Ерусалимский 2010: 364–373).

В православной погребальной обрядности не менее важными элементами, чем отпевание в церкви, являются церковное поминовение, погребение на церковном кладбище, в могиле, выкопанной в освященной земле, не говоря уж о воззрениях на греховность / негреховность смерти – элементы, не свойственные восточнославянскому язычеству. Таким образом, вопрос о «заложных» покойниках в данной статье будет рассматриваться как суеверие, возникшее в христианскую эпоху и развивавшееся в рамках христианской обрядности. Корни этого явления лежат, с одной стороны, в противоречии между поминальной практикой Русской Церкви и народными суевериями (что было отмечено Д.К. Зелениным). С другой стороны, укоренению последних способствовала длительная неотрегулированность вопроса о погребении самоубийц и умерших «напрасной» смертью в каноническом праве Руси. Изначально он базировался на 14-м правиле св. Тимофея Александрийского, утвержденном на VI Вселенском соборе, согласно которому священнослужитель должен был расследовать, покончил ли с собой человек «вне ума» или же «от малодушия» – в последнем случае поминовение запрещалось. В то же время поместные соборы Западной церкви – Арелатский (452), Орлеанский (533), Брагский (563) и др. – приняли ряд суровых, но не обязательных для Восточной Церкви постановлений в отношении самоубийц. Их запрещалось хоронить в церковной земле и служить по ним заупокойную службу (Паперно 1999: 66).

В XII–XIII вв. ответ на вопрос о погребении умерших «напрасной» смертью не был ясен даже для русского епископата. Так, в 1145 г. новгородский архиепископ Нифонт запретил отпевать двух утонувших священников (ПСРЛ. Т. III. 2000: 213). Однако уже полтора века спустя епископ Серапион, в 1274–1275 гг. возглавлявший Владимирскую кафедру, осуждал паству за обычай выкапывания из могил самоубийц и утопленников, будто бы насылающих природные катаклизмы (Слова и поучения Серапиона Владимирского: 382). Текстологический анализ поучения показывает, что обличаемое в нем «язычество» неравнозначно современному пониманию этого термина. То значение, которое вкладывал в это понятие владыка, выясняется из окружающего этот термин контекста и сравнения со сходными историческими источниками. Контекст поучения показывает, что епископ Серапион соотносил с «язычеством» недостойные христианина суеверия, противоречащие приведенным им примерам из Священного Писания и историческим прецедентам (в том числе из древневосточной и античной истории). Позднее прп. Максим Грек, обличавший тот же обычай, не увидел в нем языческой составляющей, но считал его «безумной и богомерзской прелестью», говоря иначе – суеверием ([Максим Грек] 1897: 138–145).

Тем не менее, окружные и уставные послания митрополитов всея Руси и соборные постановления, направленные на преодоление суеверий, связанных с «заложными» покой-

¹ Наиболее последовательно эта мысль проводится А. И. Алексеевым (Алексеев 1998: 102–122) и, в более гипертрофированном виде, А. А. Булычевым (Булычев 2005: 13–23).

никами, появились только в начале XV в. Видимо, впервые порядок отпевания, погребения и поминовения лиц, погибших насильственной смертью, был определен в окружном послании св. митрополита Фотия псковскому духовенству (1417), где святитель разъяснял, что тех, «у кого сын духовный, по грѣху, напрасно умереть <...> а не отъ своихъ рукъ, нужно утонеть, тѣхъ по закону погresti, и пѣти надъ ними, и поминати ихъ во святыхъ службахъ <...> а который отъ своихъ рукъ погубится, удавится или ножемъ избодется, или въ воду себя ввержетъ: ино по святымъ правиламъ тѣхъ не повѣлено у церковей хоронити, ни надъ нимъ пѣти, ни поминати, но въ пустѣ мѣстѣ въ яму вложить и закопати» (АИ. Т. I. СПб., 1841: 46. № 22).

В последней четверти XV в. проблему поминовения умерших «нужной» смертью снял прп. Иосиф Волоцкий, около 1479 г. составивший первую редакцию Русского Синодика, а позднее – его вторую редакцию с «трехсловным» предисловием, где впервые на Руси отделил не прощаемые грехи, к которым отнес богоотступничество, ересь и самоубийство, не подлежащие церковному поминовению, от прощаемых (в том числе и в случаях «напрасной» смерти) (Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря: 6; Дергачева 2011: 21–41). Последние могли быть по милости Божией прощены – при условии постоянных поминальных молитв.

Соборное решение 1548 г. о введении общей памяти умершим, закрепило поминовение погибших «от иноплеменных на бранех и на всех побоищах избивенных, и в плен сведенных, и гладом, и жаждою, и мором, и наготою, и мразом, и всякими нужными смертми умерших, и во всяких пожарех убиенных и сожженных, скончавшихся и в водах утопших, и всех православных христиан всячески умерших» (Дергачева 2004: 159–160). О малой актуальности вопроса о непоминовении умерших «нужной» смертью свидетельствует анонимное «Слово о кладущихся в святых церквах», активно включавшееся в предназначенные для келейного и домашнего чтения синодичные предисловия, рукописные и печатные минеи и прологи. В этом произведении осуждается обычай хоронить умерших в храме и в качестве примера приводятся разные случаи кончины отцов-пустынников: хотя «**ѡ́бѣи ѡ́ скорѣи оу́ мрѡ́ша . ѡ́бѣи же зѡ́бѣрми ѡ́нѣдени бы́ша . ѡ́нии ж всѣ́кми разлѣчнѣи мѡ́кми . ѡ́ нѡ́жамн**», однако тела их не «**въ цѣ́квѣ лежатъ <...> нѡ́ в пѣчѣ мѣстѣ <...> нѡ́ дѡ́шн ѡ́ съ агглы . рѣдѡ́тса**» (РГБ ОР. Ф. 304. I. № 723. Л. 46 об.).

На исходе XVII в. в Уставной грамоте архимандриту Троице-Сергиева монастыря Евфимию (1700) патриарх Адриан лишь детализировал случаи «напрасной» смерти, разделив их на достойные отпевания и захоронения на церковном кладбище и не достойные. К первому случаю относились те, «кто утонуль купаючись, а не играя и не хваляся, или съ дерева убѣтса, или скоропостижною смертію безъ отца духовнаго умеръ, и не отъ чюжихъ рукъ». Их полагалось «похоронити у церкви Божіи, и надъ ними отпѣвать, как и надъ прочими православными христианы». Во втором случае – «которой человекъ обѣситса, или зарѣжетса, или купаясь похваляся и играя утонеть, или вина опьетса, или съ качели убѣтса, или иную какую смерть самъ надъ собою своими руками учинить, или на воровствѣ какомъ убить будетъ» – патриарх велел «тѣхъ умершихъ тѣль у церкви Божіи не погребать, и надъ ними отпѣвать не велѣть, а велѣть ихъ класть въ лѣсу или на полѣ кромѣ кладбища и убогихъ домовъ». Глава Русской Церкви требовал в каждом случае проводить «обыск» и записывать обстоятельства и время смерти в «похоронной памяти», выдававшейся родственникам умершего, дублируя их в особой книге «впредь для вѣдома, кто какою смертію умре» (Уставная грамота патриарха Адриана: 34), что исходило из 14-го правила св. Тимофея Александрийского. О том, что подобные «обыски» проводились и ранее, свидетельствует составленная в 1671 г. челобитная архимандрита Паисиева Галичского монастыря Сергия о привлечении к ответственности князя Семена Андреевича

Львова, который прислал для погребения в монастыре тело своей жены со следами побоев (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 78. Д. 707. Л. 8). При всем этом остается неясным, отражали ли «похоронные памяти», на составлении которых настаивал патриарх Адриан, уже сложившуюся практику, или же глава Русской Церкви намеревался установить новый порядок учета умерших и обстоятельств их кончины.

Одним из слабо используемых источников в изучении данной проблемы являются старорусские эпитафические памятники. Тесно связанные с местами погребения и поминальной культурой, они в сопоставлении с иными категориями письменных источников позволяют выявить отношение к умершим «напрасной» смертью прямых «участников» обряда.

Одной из функций эпитафий на старорусских надгробиях являлось свидетельство факта благой кончины, не препятствующей христианскому погребению, на что указывала формула «преставился раб Божий». Для данного типа эпитафических памятников методика выделения случаев «напрасной» смерти состоит в выявлении элементов расширения / изменения традиционной формулы, для других типов надписей (в первую очередь – родовых поминальных таблиц и поминальных крестов) – выявлении прямых указаний на «напрасную» смерть.

Одним из видов последней, как говорилось выше, являлась гибель в воде. Источники, связанные с регламентацией поминальной практики, показывают, что отношение к утопленникам было неоднозначным: от запрета их отпевания (1135 г.) – к разрешению погребения и поминания наряду с умершими от естественных причин (1410, 1548 г.) и «дифференцированному» подходу: в 1700 г. патриарх Адриан отделил утонувших в результате несчастного случая от случаев, когда кто «купаясь похваляся и играя утонетъ», приравняв последние к самоубийству по неосторожности, точно так же, как и смерть от алкогольного опьянения. Неясность в различении этих видов смерти, очевидно, отражает эпитафия Петру Федорову сыну Бурцова († 1639) из пещерного некрополя Псково-Печерского монастыря. Традиционная формула «преставился раб Божий» расширена здесь за счет добавления указания на причину смерти: «и ѿгони», что явно указывает на стремление составителя эпитафии представить «напрасную» смерть как случай благой кончины, не препятствующей христианскому погребению. Более поздняя по времени эпитафия, вставленная в стену псковского храма Воскресения Христова на Стадищи, показывает, что препятствий для захоронения утопленников на церковном погосте не было: «Лѣта 7175 году преставися рабъ божій Ивангородецъ Никонъ Исаковъ сынъ Горчаковъ, а въ 196 году мая въ 18 день преставися раба Божія Ксенія Аѳанасьева дочь и съ ней погребень сынъ ее родной Гурій Михайловъ сынъ утопшій печерянинъ» (Лебедев 1895: 18).

Об отсутствии препятствий к церковному поминовению утопших свидетельствуют родовые синодики – белокаменные плиты или надписи краской с именами храмоздателя и его умерших родственников. Они размещались в алтарной части храма для вечного поминовения. В некоторых из них (как, например, в синодике, датированном 1699 г., из московской церкви Максима Исповедника в Китай-городе) можно видеть имена утонувших, что свидетельствует об отсутствии препятствий к их церковному поминовению.

Что же касается убийства «отъ чюжихъ рукъ», то эпитафические памятники Московской Руси сообщают о двух видах насильственной смерти – собственно убийстве и гибели на государственной службе.

Рассмотрим первый из этих видов смерти – убийство, отношение к которому в эпитафических памятниках не было однозначным. С одной стороны, в эпитафиях с указанием на смерть в результате убийства формула «преставился раб Божий» менялась на формулу «убиен раб Божий».

Формуляр эпитафий людям, погибшим от рук убийц

Дата	Имя погибшего	Формуляр эпитафии	Местонахождение надгробия	Публикация
1564 г., 15 сентября	Илья Андреевич Селивнов	$\overset{4}{ } \text{убьѣ} \{ \overset{5}{\text{к}} \} \text{ысгѣ} < \dots > \overset{5}{ }$ $\overset{6}{\text{ѡ}} \overset{6}{ } \text{рѣко} \{ \overset{6}{\text{н}} \} \text{кѣ}$	Псково-Печерский монастырь, пещерный некрополь	Плешанова 1966: 160. № 14; вклейка, рис. 5
1606 г., 20 декабря	Князь Илья Семенович Щетинин-Ярославский	преставися рабъ Божій убиенный	Рязань. Ольгов монастырь	Калайдович 1823: 34. Утрачено
1608 г., 1 апреля	Афанасий Федоров сын Борков	убиень отъ разбойниковъ раб Божій	С. Борково (совр. Киржачский р-н, Владимирская обл., ныне не существует), храм Иоанна Богослова	Добронравов 1895: 352
1609 г., 14 марта	Князь Иван Иванович Ярославский	убиень	Рязань. Ольгов монастырь	Калайдович 1823: 34. Утрачено
1619 г., 11 июля	Сергей Михайлович Милославский	убиень бысть	С. Подолец, Владимирская обл., Юрьевский р-н, церковь Троицы	Добронравов 1896: 448
1627 г., 5 июля	Игнатий Иванович Елагин	$\overset{3}{ } \overset{4}{\text{уби}} \overset{4}{\text{н}} \overset{4}{\text{рѣ}} \overset{4}{ } \text{ [к]жн} < \dots > \overset{5}{\text{л}} \overset{5}{\text{а}}$ $\text{положе в се пещере рѣ с}$ дѣбралѣ в г	Псково-Печерский монастырь, пещерный некрополь	Плешанова 1978: 74. № 37
1671 г. 11 мая	Князь Семен Иванович Львов	замучень бысть въ Астраханѣ <...> отъ богопротивнаго и злочестиваго богоотпадца православныя вѣры, отъ вора и разбойника, душегубца и измѣнника Стеньки Разина съ товарищи	Ярославль, Спасо-Преображенский монастырь	Владимир, иером. 1913: 88
1682 г., 15 мая	Стольник Федор Петрович Салтыков	убить <...> въ смятеніе на Москвѣ безвинно при державѣ великихъ государей, царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алескѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ въ началѣ царства ихъ; а убиень въ ихъ царскихъ чертогахъ, въ мастерскихъ сѣняхъ	Кострома, Бого-явленско-Анастасиин монастырь	[Шереметевский В. В.] 1914: 768
1682 г., 15 мая	Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев	$\overset{2}{ } \text{волею Всемог} \overset{3}{\text{у}} \overset{3}{\text{щаго}} \text{ і Всесилнѣйшаго црѣа црѣм Бгѣа}$ в смутное время $\overset{4}{ }$ от воров і бунтовщиков убиен бысть раб Бжїи штилѣтный $\overset{5}{ }$ страдалец скончавса мч $\overset{5}{\text{н}} \overset{5}{\text{ически}}$ <...> $\overset{9}{\text{вѣнцем}}$ страдания	Москва, родовая палатка Артамоновых у церкви Николы на Столпах	Клейн 1905: 6–7. № 26
1691 г.	Отрок Федор Гаврилов сын [...]	$\overset{2}{ } \text{уби} \overset{1}{\text{н}} \overset{1}{\text{рѣ}} \overset{1}{\text{жн}} \overset{1}{\text{н}}$	Москва, храм Харитона Исповедника в Огородниках	Беркович, Егоров 2017: 369

1702 г., 29 мая	Полковник Феодосий Юрьевич Кавин	убиенъ рабъ Божій <...> въ Тверскомъ уездѣ за рѣкою Волгою подь селомъ Владомымъ отъ разбойниковъ, будучи по сыску и поимкѣ воровъ, и погребенъ на семь мѣстѣ	Москва, церковь Введения при бывш. Новинском монастыре	Мартынов 1895: 235
-----------------	----------------------------------	---	--	--------------------

В одном случае мы имеем прямую аналогию формуле в эпитафии Петру Федорову сыну Бурцова – «преставися рабъ Божій убиенный» (1606), что также говорит о стремлении представить факт убийства как случай благой кончины. При этом местонахождение надгробий убиенных в монастырских и церковных некрополях свидетельствует, что смерть от руки убийц не препятствовала их христианскому погребению.

Из таблицы видно, что в 70–80-е гг. XVII в. в эпитафиях лицам, погибшим насильственной смертью, появляется новый мотив – мученической смерти от рук «воров», а в начале следующего столетия – при исполнении служебного долга.

Другим типом памятников, связанных с насильственной смертью, являются белокаменные кресты, в XVI–XVII вв. устанавливавшиеся по обочинам дорог или в лесу, на местах, где произошло убийство. Структура формуляра в вырезанных на них надписях аналогична формулярам на приведенных выше эпитафиях.

Таблица 2

Поминальные кресты XVI–XVII вв.

Дата	Имя погибшего	Обстоятельства смерти	Местонахождение креста	Публикация
1521 г., 29 июля	Тимофей Шемяка Григорьев сын	убиенъ бысть рабъ Божій от татар	На правой стороне Борисоглебской дороги на меже с. Новое Рождественно	АГР. Т. II: 542–543. № 154
1578 (?) г., 14 января	Строка сильно повреждена, имя не читается	$\begin{matrix} 3 & \text{убиен}^{[т]} & \text{о} \\ \text{рабоннико} & & \text{ра} \\ \text{бжн}^{[н]} & & \end{matrix}$	С. Резанцы, Московская обл., Сергиево-Посадский р-н	Николаева 1960: 190; табл. 91б
1623 г., 19 октября	Григорий Иванов сын Груздев	убиенъ бысть рабъ Божій	Дорога из Шуи в Палех	С. А. 1846: 156.
1686 г., 1 марта	Стряпчий Семилон Мокеевич Пустошкин	$\begin{matrix} 3 & \text{убиен} & \text{о} & \text{рабонн} & \text{ко} \\ 4 & \text{ра} & \text{бжн} & \text{н} & \end{matrix}$	Лес близ с. Виноградово, Московский уезд, Московская губ.	Яганов 2011: 366
1693 г., 9 ноября	Зиновий?	$\begin{matrix} 4 & \text{убе} & 5 & \text{раб} & \cdot & \text{бж} \end{matrix}$	Урочище Полчиха, лес в 4 км к северо-западу от д. Ситня-Полчиха (Московская обл., Ступинский р-н)	Золотов 1960: 299
1693 г., 6 декабря	Крестьяне Филипп и др., работавшие на пустоши Овсяники	$\begin{matrix} 3 & \text{оубиени} & 4 & \text{рабы} \\ \text{бжн} & & & \end{matrix}$	Ельник в урочище Абис близ д. Благовещенское, Сергиево-Посадский р-н, Московская обл.	Николаева 1960: 189; табл. 91а

В первой трети XVII в. традиция установки поминальных крестов дошла до Сибири. В частности, Г. Ф. Миллер сообщил о деревянном кресте, поставленном в 1633/34 г. в Удинском остроге, с именами красноярских служилых людей, которые, как полагал историк, погибли при объясачивании местных бурят (Миллер 2005: 102–103).

Ю. М. Золотов видел в подобных крестах пережиток языческих (!) верований, связанных с «заложными» покойниками, лишенными погребения на кладбище (Золотов 1960: 335). Т. В. Левина, напротив, сближает поминальные кресты с кенотафами, поставленными в напоминание о месте гибели людей, чьи тела были погребены на церковном кладбище. Целью их установки, помимо эмоциональных мотивов, по мнению исследовательницы,

была потребность «очистить и оградить место пролитой крови» (Левина 2006: 181). Некорректность этой точки зрения очевидна: очистительные обряды на местах убийств скорее характерны для культов античной эпохи. Монументальное изображение Голгофского креста указывает не только на христианский характер кончины, но и может рассматриваться как символ мученической смерти с пролитием *христианской* крови (подробнее: Авдеев 2006: 202–215). Точка зрения А. В. Яганова, который полагает, что поминальные кресты устанавливались на местах гибели и захоронения лиц, не принесших перед смертью покаяния (Яганов 2011: 362), более соответствует источникам. Последнее обстоятельство патриарх Адриан считал единственным ограничением для христианского поминания и погребения в случаях «напрасной» смерти, однако при условии, что человек не исповедовался в течение года до гибели.

Переломным событием для эпитафий служилым людям стала Ливонская война. В ее разгар появляются первые формулы, указывающие на гибель на *государевой службе*. «Почву» для появления таких эпитафий подготовило Соборное решение 1548 г. о введении общей памяти умершим, закрепив поминание погибших «от иноплеменных на бранех и на всех побоищах избивенных» (Дергачева 2004: 159–160). Указания на причины смерти служилых людей появляются в писцовых книгах. Так, в писцовых книгах Бежецкой Пятины 1544/45 и 1550/51 гг. можно встретить следующие «избыточные» сведения об обстоятельствах кончины землевладельцев: «въ животѣ не стало лѣта 7052 у себя въ помѣстии», «в животе не стало на цареве государеве службе въ Переславле въ Рязанскомъ лѣта 7058», «в животе не стало на цареве государеве службе въ Володимере лѣта 7057» (Новгородские писцовые книги 1910: 57, 340, 344–347, 597, 599, 601). Начиная с Казанского похода (1551), по инициативе государства в синодики стали систематически включаться списки павших на поле брани (Николаева 2013: 118–119).

Один из наиболее ранних образцов формулы «убиенъ бысть на государевой службѣ» дает эпитафия А. Т. Борисова из с. Борисоглебского близ Муром († 2 июля 1564 г.) ([Шереметевский В. В.] 1914: 96). По мнению Л. А. Беляева, появление таких эпитафий продиктовано стремлением показать, будто смерть не была «напрасной» и не является препятствием к христианскому погребению, а также эмоциональными мотивами (Беляев 1996: 255). Однако источники XV–XVI вв., как и поздняя народная традиция (Логинов 2010: 350), считают погибших «мечем <...> и ранами, и бранми» умершими «напрасной» смертью, но в случаях, не связанных с несением воинской службы. Гибель в бою ассоциировалась с «нужной», реже «злой» смертью, ибо человек «без всякаго исправления христианскаго погипе» от рук иноверцев и иноплеменников (Власов 2010: 54–55). Такой пример мы видим в эпитафиях служилым людям, погибшим на полях Ливонской войны, на керамических плитах Псково-Печерского монастыря. Самые ранние из них датируются 1559–1560 гг. и содержат формулу, акцентирующую внимание на том, что человек пал в сражении от рук иноверцев – «убиен от немец» или «от магистра Ливонского» и т.п. (Плешанова 1966: 152–154. № 1–8). Формула же «убиен на государевой службе» появляется здесь в середине XVII в. – и только на белокаменных плитах (Плешанова 1978: 89. № 95). Вторым примером можно назвать эпитафию Федору Ивановичу Троекурову, умершему от ран после взятия Азова (1695), где подчеркнута, что он «болѣзнуя въ полкахъ отъ раны тоя во благочестіи христианскомъ и совершении церковныхъ таинствъ <...> сконча жизнь свою и отыде ко Господу» (Авдеев 2012: 209–222).

Приведенные примеры свидетельствуют, что эпитафии с указанием на гибель на *государевой службе* отражают перемены в менталитете служилого сословия, начавшиеся в правление Ивана Грозного. А. Е. Мусин связывает это с опричной «антикультурой» (Мусин 2005: 328–332). Эпиграфические памятники этого времени показывают, что в основу данной смены легла идея *службы государю*. В современной отечественной историографии сложилось мнение, основанное на анализе традиционных источников второй половины

XV–XVII вв., что служилые люди, будучи православными христианами, считали себя рабами Божьими и, по аналогии, холопами земного государя – помазанника Божьего (Юрганов 1998: 264–266; Лукин 2000: 30; Курбатов 2017: 53). Эпитафии служилым людям, погибшим на полях сражений, наряду с формулой «раб Божий» дополненные новым информационным полем – убит на государевой службе, являются независимым доказательством существования данной традиции и отражают одну из базовых ценностей служилого сословия, которая возникла в результате военной реформы Ивана Грозного, выделившей службу «по отечеству», и была подкреплена установлением общей памяти умершим и регулярным синодичным поминовением павших.

В последней четверти XVII в. формуляр эпитафий представителей княжеских и боярских родов, убитых во время боевых действий, расширяется за счет включения в формуляр подробностей об обстоятельствах гибели на поле брани. Наиболее яркий пример дает эпитафия околичному Ивану Ивановичу Ржевскому, погибшему во время осады турками Чигирине 3 августа 1677 г. и похороненному в Преображенской церкви г. Болхова. В ней подробно рассказывается, как воевода «на службе Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца в Малороссийском городе Чигирине <...> в нашествии и облежании в осаде от безбожных Турецкаго султана людей от визиря и от пашей, от иных многих земель, которыя в том облежании стояли, сидел в осаде со многими государскими ратными людьми четыре недели и убит он, раб Божий, <...> гранатною стрельбою». В заключительной части эпитафии отмечается, что гибель И.И. Ржевского не была напрасной: «а по убиении его, околичного и воеводы, [сентября] в {5} день город Чигирин от турских людей взят» (Русский провинциальный некрополь 1996: 378).

Таким образом, наблюдения за структурой старорусских эпитафических памятников во взаимосвязи с православной поминальной практикой и погребальной обрядностью позволяют считать «заложных» покойников историографическим фантомом, вряд ли имевшим повсеместное распространение в Московской Руси в XVI–XVII вв. Проанализированные надписи и развитие поминальной практики Русской Церкви скорее свидетельствуют о его постепенном вытеснении на периферию народного сознания.

Литература

Авдеев А. Г. 2006. К вопросу об иерусалимской символике древнерусских погребальных памятников // ВЭ. Вып. I, 202–215.

Авдеев А. Г. 2012. К истории старорусской эпитафии: Надгробие князя Федора Ивановича Троекурова // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: Материалы научной конференции (21–22 октября 2011 г., г. Ярославль). Ярославль: ИПК «Конверсия», 209–222.

Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Собр. и изд. А. А. Федотов-Чеховский. Т. II. Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1864.

Алексеев А. И. 1998. Установление «общей памяти» при митрополите Макарии. Исторический экскурс: церковное поминовение умерших «напрасною» смертью // Макарьевские чтения. Вып. VI: Канонизация святых на Руси: Материалы VI Российской научной конференции, посвященной Памяти Святителя Макария (10–12 июня 1998 г., г. Можайск). Можайск: Можайск-Терра, 102–122.

Беляев Л. А. 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус Граффити.

Беркович В. А., Егоров К. А. 2017. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ООО «ГМ Продакш».

Булычев А. А. 2005. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М.: Знак. (Studia historica).

Велецкая Н. Н. 1978. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука.

Владимир, иером. 1913. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Ярославль: Изд. типо-литография Н.Х. Николаевой.

Власов А. Н. 2010. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб.: Изд-во Олега Абышко.

- Дергачева И. В. 2004. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М.: Кругъ. (Памятники древнерусской книжности IX–XVII вв.: исследования и публикации).
- Дергачева И. В. 2011. Древнерусский Синодик. Исследования и тексты. М.: Кругъ. (Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты. Вып. VI).
- Добронравов В. Г. 1895. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир: типо-лит. В. Паркова.
- Добронравов В. Г. 1896. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 3. Суздальский и Юрьевский уезды. Владимир: типо-лит. В. Паркова.
- Ерусалимский А. А. 2010. Между канонизированными и демонизированными: казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации (размышления над книгой А. А. Булычева) // Чубарьян А. О. (гл. ред.). Одиссей: человек в истории. Т. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен. М.: Наука, 361–390.
- Зеленин Д. К. 1995. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертию и русалки. М.: Индрик. (Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения).
- Золотов Ю. М. 1960. Каменный крест XVII в. со станции Жилево // СА. 3, 333–335.
- Калайдович К. 1823. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М.: в Университетской тип.
- Клейн В. К. 1905. Надписи на гробницах в церкви Николая на Столпах. М.: печ. А.И. Снегиревой.
- Курбатов О. А. 2017. Военные реформы в России второй половины XVII века. Конница. М.: Квадрига. (Исторические исследования).
- Мартынов А. А. 1895. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. Историко-литературный сборник. М.: в Университетской тип. на Страстном бульваре. Кн. 2, 97–109, 219–240, 383–395, 521–528.
- Лебедев А. Е., свящ. 1895. Историко-статистический очерк Псковоградской Варлаамовской церкви. Псков: тип. Псковского губернского правления.
- Левина Т. В. 2006. Белокаменное надгробие XV – начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие. Материалы к своду. Вып 1. М.: Наука, 82–123.
- Левкиевская Е. Е. 2009. Покойник «заложный» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4: Переправа через реку – Сито. М.: Международные отношения, 118–124.
- Логинов К. К. 2010. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Лукин П. В. 2000. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука.
- [Максим Грек] 1897. Инока Максима Грека послание на безумную прелесть и богомерскую мудрствующих, яко погребания для утопленого убитаго бывають плодотливыи стужы земных прозябений // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. III. Казань: тип. Императорского ун-та, 138–145.
- Миллер Г. Ф. 2005. История Сибири. Т. III. М.: Восточная литература.
- Мусин А. Е. 2005. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское востоковедение. (Militaria Antiqua, VIII).
- Николаева С. В. 2013. Поминания воинов, жертв военных действий и репрессий как отражение социальной функции монастырей (на примере синодиков Троице-Сергиева монастыря) // Софійські читання. Матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції «Християнські святині – скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання» (м. Київ, 26–27 травня 2011 р.). Київ: ВД «АДЕФ-Україна», 117–127.
- Николаева Т. В. 1960. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // СЗГИХМЗ. Вып. 3, 181–190.
- Новгородские писцовые книги. 1910. Т. VI. Книги Бежецкой Пятины 1501, 1545, 1551, 1564 г. СПб.: Сенатская типография.
- Паперно И. 1999. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение. (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. XV).
- Плешанова И. И. 1966. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. Вып. VI, 149–206.
- Плешанова И. И. 1978. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. Т. XII, 63–185.
- Река Времен: Книга истории и культуры. 1996. Кн. 4: Русский Провинциальный Некрополь: Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М.: Эллис Лак.
- С. А. 1846. Древний каменный крест (близ г. Шуи) // Владимирские губернские ведомости. 34. Часть неоф., 156.
- Седакова О. А. 2004. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
- Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). 2004. СПб.: Дмитрий Буланин. (Святые и святини Русской земли).
- Слова и Поучения Серапиона Владимирского. 1997 // БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 370–375.

Топорков А. Л. 2008. Магические тексты в устных и рукописных традициях России XVII–XVIII вв. // Чубарьян А. О. (гл. ред.). Одиссей: Человек в истории – 2008: Script / Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время. М.: Наука, 13–28.

Уставная грамота (1698 г.) патриарха Адриана, данная архимандриту Троицкого Сергиева монастыря Евфимию / Сообщ. А. Н. Попов. 1851 // Временник ОИДР. Кн. 11. Смес., 30–46.

[Шереметевский В. Н.]. 1914. Русский провинциальный некрополь. Т. 1: Губернии Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский. М.: изд-во Т-ва И. И. Кушнерев и К^о.

Штырков С. А. 2012. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука. (Kunstkamera Petropolitana).

Юрганов А. Л. 1998. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС.

Яганов А. В. 2011. По поводу происхождения памятного креста по стряпчему С. М. Пустошкину // ВЭ V, 362–369.

Список сокращений

АГР – Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Собр. и изд. А. А. Федотов-Чеховский

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Императорскою Археологическою комиссиею

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

ВЭ – Вопросы эпиграфики

НЭ – Нумизматика и эпиграфика

ОИДР – Общество истории и древностей Российских

ОР – Отдел рукописей

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

СА – Советская археология

СЗГИХМЗ – Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника

*A. G. Avdeev
Moscow, Russia*

FUNERAL-COMMEMORATION CULTURE, SUPERSTITIONS ANDEPIGRAPHY OF THE MOSCOW RUSSIA

Abstract. In the paper are analyzed the narrative sources and monuments of epigraphy of the Moscow Russia, testimoing of the different cases of violent («vain») death (drowning, murder, death in fight), which traditionally were considered as an obstacle for burial in a Christian cemetery and the subsequent church commemoration are considered. The data recorded by ethnographers in the second half of 19th–20th century gave a reason to connect these representations with paganism remnants. In article the conclusion about emergence of these superstitions during a Christian era and about their gradual overcoming in funeral-commemoration culture for 16th–17th centuries is drawn.

Keywords: epigraphy of the Moscow Russia; funeral ceremonialism; violent death; «zalozhny» dead men; funeral-commemoration culture; paganism; Christian superstitions.

About the author: Avdeev Alexander Grigoryevich, candidate of historical Sciences, research fellow at the University of Dmitry Pozharsky, associate professor of the Department of History St. Tikhon's Orthodox University of Humanities; history teacher, Intellectual school.